

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИРЕ НАУКИ И ГРАНИЦАХ ЯЗЫКА

Владислав Станиславович Раздьяконов

Российский государственный гуманитарный университет
6 Миусская пл., Москва, Россия
razdyakonov.vladislav@gmail.com

Для ссылок: Раздьяконов В. Несколько слов о мире науки и границах языка // Антропологический форум. 2022. № 53. С. 240–242.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-53-240-242

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/053/razdyakonov_2.pdf

A FEW WORDS ABOUT THE WORLD OF SCIENCE AND THE BOUNDARIES OF LANGUAGE

Vladislav Razdyakonov

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia
razdyakonov.vladislav@gmail.com

To cite: Razdyakonov V., 'Neskolko slov o mire nauki i granitsakh yazyka' [A Few Words about the World of Science and the Boundaries of Language], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 53, pp. 240–242.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-53-240-242

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/053/razdyakonov_2.pdf

Владислав Раздьяконов

Несколько слов о мире науки и границах языка

Антропология, возможно из-за ее «полевого» характера, стала дисциплиной, в значительной степени способствовавшей еще в 1970-е гг. повороту гуманитарного знания от больших нарративов и теорий к «живой религии» и ее материальному, эмпирическому измерению. Сейчас религиоведы не меньше антропологов спорят о содержании понятия «религия», исторических приключениях слова «религия» и проблеме политического ангажмента — и «правого», и «левого». Между антропологами и религиоведами нет конфликта о значении теории как средстве познания, в то же время для обеих дисциплин имеет значение старый конфликт реализма и конструктивизма как разных онтологий. Выбор той или иной онтологической позиции влияет как на производство знания в разных научных башнях из слоновой кости, так и на современные культурные процессы.

Конструктивисты изучают работу языкового мира, который, с одной стороны, создается человеком и, с другой стороны, определяет его мирозерцание. Отсюда интерес современной антропологии к настоящему времени и виртуальному пространству, а также характерное для гуманитарного знания в целом отношение к «теории» как инструменту, а к работе гуманитария — как работе переводчика и отчасти программиста. Действительно, антропология много сделала для того, чтобы люди научились смотреть друг на друга глазами друг друга. Она помогла выбраться человеку из-под гнетущей власти идей и идеологий в, казалось бы, более свободную область языка, где язык можно сменить так же, как меняют место жительства.

Мой критический тезис заключается в том, что конструктивизм стал одной из предпосылок для современного культурного нацио-

**Владислав Станиславович
Раздьяконов**
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия
razdyakonov.vladislav@gmail.com

нализма, или, точнее, трайбализма, причем в самых крайних его формах. Ставя под сомнение идею культурного прогресса, полагая, что человек не может выбраться за пределы языкового каркаса, отказываясь определять место человека в культурной иерархии, разрушая великие нарративы, объявив великую цепь бытия рабской и отрицая «сущности» как плод всего лишь «воображения», конструктивизм открыл путь не только для странников культуры, видящих в разнообразии безусловное благо, но и для фундаменталистов с их мрачными практиками отмены и пурификативными ритуальными акциями, разрушающими памятники и вычищающими страницы неуютной памяти. Борясь с «подлинным» и «архетипичным», опровергая их тотальный и «реальный» характер, конструктивизм способствовал превращению человека в заложника языка.

Конструктивизм был нацелен на политическую деконструкцию — разрушение «подлинных» смыслов, эксплуатируемых политической элитой и привилегированными социальными группами. Но, сохранив субъективистскую онтологию, легко изменить мотив и цель деятельности: можно не только разрушать «конструкции», стремясь к свободе, но и сознательно их строить, стремясь к порядку и защищая интересы своего «меньшинства» или «большинства». История, формирующая у человека видение прошлого, дает более яркий пример, чем антропология, имеющая по преимуществу дело с настоящим. Если история — это миф, следует взять мифотворчество в свои руки. Не этого хотели революционеры 1960-х гг., говорившие о социальной природе реальности, но и они несут ответственность за расколотый «многополярный» мир, перед жестокой и бескомпромиссной реальностью которого мы сейчас оказались.

Грэм Харви, согласно приведенной Александром Панченко цитате, призывает исследователей «покинуть мир фантазий и начать заново “где-то там” в реальном мире». Прекрасное пожелание, но что же есть этот «реальный мир»? Неужели секс, еда и знакомцы? Должно быть, «реальность» — это не только то, что дано человеку на кончике его языка и в его чувствах, но и то, что дано ему в его мышлении и переживании. И если эмпиризм — это торный путь, то почему же он, если следовать ему до конца, заводит в тупики солипсизма и фундаментализма, не освобождая, а, напротив, поработывая человека его опыту? И, может быть, «реальность» — это не то, что нам дано, а то, что лишь ждет своего раскрытия?

Хотелось бы вспомнить, что человек — не только дитя культуры, но и часть природы. Он не только способен творить при помощи слова, освобождаясь от скорлупы омертвело опыта, он также — принадлежит и зависит. Наука и религия пытались

по-разному осмыслить эту абсолютную зависимость человека от того, над чем он остается не властен и от чего его не сможет освободить ни одно из сказанных им слов. Можно согласиться с тем, что религиоведы в силу специфики их предмета более остро осознают существование этой зависимости. Феноменологический и естественно-научный подходы к исследованию «религии» объединяет эсхатологическое по своему звучанию обещание постижения подлинного мира, лежащего за границей положенного человеку языка. Наука предлагает путем дискуссии, логики, опыта и эксперимента идти к постижению этого единого для всех людей мира. Она предлагает отличать слова от вещей, реальность — от текста, объяснения — от описания. Теория — это не машина, на которой ученый мчится по кругу к воображаемой «истине», теория — это извилистый и тяжелый путь к постижению сущности феномена. Вера в существование этого пути освобождает человека из клетки языковой игры, легко превращающейся из «игры» в противоборство гладиаторов, защищающих свою символическую жизнь.

Боюсь показаться тривиальным, но все же, хотя конфликт онтологий неизбежен, только благодаря различию позиций и спорам рождается истина. В то время как конструктивисты подобно психологам расчерчивают внешние и внутренние границы между людьми, реалисты ищут точки их соприкосновения — идет ли речь о едином «духовном» опыте или о единстве человеческого сознания. Если верен тезис, что, понимая Другого, мы лучше понимаем себя, то лишь настолько, насколько верен тезис, что мы понимаем Другого только потому, что мы в самой глубине нашего существа и являемся им самим.

В книге Сергея Штыркова, помимо отмеченных мною в рецензии достоинств, мне не хватило указания на сложный характер отношений между реальностью и создаваемыми человеком «конструкциями». Уклонение в крайности в равной степени губительно не только для науки, но и для культуры в целом. Только избегая их, можно не прервать полета на крыльях нашего воображения.